

УДК 811.111'34

А. И. Демчук

*Южноукраинский национальный педагогический университет имени К. Д. Ушинского
(г. Одесса)*

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ СИТУАТИВНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК РЕЧЕВОГО ГОЛОСА

Розглянуто засоби вербалізації просодичних характеристик емоційного мовленнєвого голосу в англійському художньому мовленні, проаналізовано наявність / відсутність зв'язку між певними емоціями і засобами їх мовленнєво-голосового вираження, порівняно отримані результати з даними експериментально-фонетичних досліджень англійського емоційного звучного мовлення.

Ключові слова: вербалізація, просодична характеристика, мовленнєвий голос, емоція, емоційне мовлення.

Рассмотрены средства вербализации просодических характеристик эмоционального речевого голоса в английской художественной речи, проанализировано наличие / отсутствие связи между определёнными эмоциями и средствами их речеголосового выражения, сделано сравнение полученных результатов с имеющимися данными экспериментально-фонетических исследований английской звучащей эмоциональной речи.

Ключевые слова: вербализация, просодическая характеристика, речевой голос, эмоция, эмоциональная речь.

The article studies verbalization of the emotional speaking voice prosodic characteristics in the English belles-lettres speech; analyzes correlation between definite emotions and means of their speaking voice expression; compares obtained results with English emotional speech experimental phonetics research data.

Keywords: verbalization, prosodic characteristic, speaking voice, emotion, emotional speech.

Речевої голос являється достатньо надійним средством вираження емоцій і відносин між людьми. Передача емоцій являється однією з основних функцій речевої голосу (подробнее о понятии «речевої голос» см. [5]). Хоча до нашого часу не існує загальноприйнятої класифікації емоцій, можна з достатньою долей впевненості говорити про наявності зв'язів між просодичними характеристиками (далі – ПХ) речевої голосу і визначеними емоціями. Зв'яз емоцій з оціночним процесом обумовлює їх розділення на позитивні і негативні. Результати проведених досліджень звучної мови, зокрема англійської, свідчать про те, що визначені ПХ, як по окремості, так і в сукупності, можуть сигналізувати про конкретні емоційні стани (Т. Джонстоун, Э. Зеттерхольм, Л. В. Златоустова, Т. Г. Медведева, В. П. Морозов, Э. А. Нушикян, Дж. Питтман, К. Р. Шерер, Е. В. Яковлева і др.). Цей факт дозволяє висунути припущення про те, що між вербалізованими ПХ речевої голосу і негативними / позитивними емоційними станами (далі – ЕС) існують більш або менш стійкі кореляції.

Актуальність нашого дослідження визначається антропоцентричними тенденціями сучасних лінгвістических студій, де мову розглядають як систему, що складає невід'ємну частину людського свідомості і культури. В світлі даної тенденції актуальним є звернення до мовного відображення звучання людського голосу як одного з видів чуттєвого

восприятия, входящего в первичную систему телесных ощущений и связанного с наиболее глубинными пластами сознания.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы изучить средства вербализации просодических характеристик эмоционального речевого голоса; выявить наличие / отсутствие связи между определёнными ЭС и средствами их речеголосового выражения; сравнить полученные нами результаты с имеющимися на сегодняшний день результатами экспериментально-фонетических исследований английской звучащей эмоциональной речи.

Опираясь на результаты исследований лексики звучания современного английского языка (А. А. Багдасарова, О. М. Жаркова, О. И. Павлова, И. И. Серякова), а также на результаты работ, полученные на материале русского языка (Е. Ф. Бажин, Г. Е. Крейдлин, Н. А. Мишанкина), мы предполагаем, что в составе лексики звучания выделяется отдельный пласт, репрезентирующий звучание человеческого голоса в процессе речепроизводства, другими словами, звучание речевого голоса.

В отличие от исследователей, оперирующих акустическими терминами для описания корпуса языковых средств, вербализующих звучание человеческого голоса, мы будем опираться на термины просодии, определяющие основные характеристики речевого голоса. В семантическом пространстве, отражающем восприятие звучания речевого голоса представителями английского языкового коллектива, лексические единицы будут вербализовать вполне конкретные ПХ, а именно: мелодику, громкость, темп и качество голоса. Языковые средства вербализации предположительно могут быть прямыми и переносными (метафорическими), могут быть зафиксированными в словаре или реализовывать речеголосовое значение лишь контекстуально, включать различные части речи: фонационные глаголы (далее – ФГ), существительные, прилагательные, наречия в определённой сочетаемости и комбинациях. Так как речевой голос несёт информацию о константных свойствах личности (пол, возраст, национальность, профессия, черты характера), а также сигнализирует о ситуативных проявлениях характера личности, а именно, об эмоциональных состояниях, то и его языковые репрезентанты будут выполнять те же функции, а это означает наличие определённых функционально-стилистических особенностей вербализации ПХ.

В художественном тексте средства вербализации ПХ речевого голоса выполняют характерологические функции, а именно: 1) характеристика говорящего по гендерному, возрастному, национальному, профессиональному признакам, а также личностным качествам. Подобные характеристики речевого голоса являются константными для того или иного индивидуума; 2) передача эмоционального состояния говорящего. В связи с тем, что данная функция речевого голоса может реализоваться только в условиях эмоциогенной ситуации, то такая характеристика речевого голоса является ситуативной.

Анализируя ситуативные характеристики, в которых реализуется способность речевого голоса манифестировать ЭС говорящего, мы опирались на классификацию, предложенную Э. А. Нушикян [9, с. 28–29]. Отметим, что некоторые ЭС могут иметь разную степень эмоциональной насыщенности, например: неодобрение – раздражение – **гнев** – ярость; беспокойство – тревога – **страх** – испуг; удовлетворение – **радость** – восторг – счастье и т. д. В этом случае эмоции представлены по степени нарастания, жирным шрифтом выделены базовые ЭС.

В результате анализа англоязычных художественных текстов были выделены микроконтексты в количестве 4195, в которых вербализаторы ПХ речевого голоса (4320 словоупотреблений) манифестируют эмоциональное состояние говорящего.

В процессе исследования было установлено, что в целом все средства вербализации ПХ речевого голоса диффузно выражают практически любые эмоции. Известно, что большинство эмоций включает оценочный элемент «хорошо» или «плохо» [2, с. 60], что связывает их с положительным или отрицательным оценочным знаком. Разделение вербализаторов ПХ на такие, что выражают отрицательные либо положительные эмоции обусловлено наличием / отсутствием оценочных компонентов в составе их значений, при этом их спецификация по конкретным эмоциям зачастую зависит от контекста. Однако в частных случаях некоторые тенденции вербализаторов ПХ к манифестации конкретных отрицательных / положительных ЭС всё-таки были выявлены.

Исследования мелодики звучащей эмоциональной речи традиционно проводятся с помощью методов акустического и инструментального анализов, в которых фигурируют акустические корреляты компонентов мелодики, не поддающиеся восприятию на слух. В связи с этим сравнить результаты таких исследований с вербальным отражением мелодики, выполняющей функцию передачи эмоциональных состояний, практически невозможно. Исключение составляют сведения о корреляции высокого уровня голосового тона с эмоциями восхищения, возмущения, угрозы, сарказма; низкого – с эмоциями нежности, сожаления, обиды, презрения, беспокойства [9, с. 131]. Полученные нами данные частично совпадают с вышеозначенными результатами.

Средства вербализации мелодики можно разделить на такие, которые выражают только отрицательные ЭС и только положительные. К первым относятся вербализаторы из лексико-семантических подгрупп «высота тона», номинирующие высокий, резкий тон, «скорость падения голосового тона», «диапазон». Ко вторым – вербализаторы из лексико-семантической подгруппы «высота тона», номинирующие мягкий, нерезкий тон, а именно, наречие *mildly*, манифестирующее нежность; ФГ *to sing-song*, номинирующий направление движения тона, и ФГ *to chirp*, являющийся исключением, т. к. номинируя высокий голосовой тон, одновременно обладает позитивным оценочным зарядом, заложенным в семантическом компоненте «cheerful». Данные ФГ были зафиксированы в ситуациях, когда говорящий испытывал радость.

В процессе исследования не удалось выявить речевых ситуаций, в которых средства вербализации мелодики манифестируют ЭС отчаяния, стыда, подозрения, удивления и иронии. Для таких эмоций, как обида и печаль, включая разные степени её интенсивности, типичными выявились лексические единицы (далее – ЛЕ), номинирующие диапазон. Например:

«*How are you?*» asked Chessie. *'OK', said Ricky flatly. Then he was almost sobbing. 'No, I'm f-f-f-ucking not. I m-miss you'»* [16, p. 358]. В данной речевой ситуации персонаж испытывает тоску по любимой женщине, что безуспешно пытается скрыть. Монотонность голоса, вербализуемая наречием *flatly*, выражает некую отрешённость от реального мира, и в то же время передаёт глубину переживаемой эмоции.

Итак, для средств вербализации мелодики речевого голоса характерна манифестация таких эмоций, как гнев, страх, возмущение, презрение, угроза, упрёк. Печаль и обида выражаются только вербализаторами диапазона. Положительные эмоции радости и нежности манифестируются конкретными ЛЕ: радость – ФГ *to chirp, to sing-song*; нежность – наречием *mildly*. Средства вербализации мелодической модуляции не были отмечены в эмоциогенных ситуациях. Это говорит о том, что данные ЛЕ обладают функциональной способностью передавать только константные характеристики речевого голоса.

Громкость является одним из наиболее выраженных ПХ эмоционального речевого голоса. Как показывают результаты аудиторских анализов, все высказывания, произнесенные с сильной степенью эмоциональной насыщенности, воспринимаются аудиторами как громкие, вне зависимости от того, какую конкретную эмоцию они выражали [9, с. 131; 6, с. 19]. С пониженным уровнем громкости обычно отождествляются фразы, выражающие такие эмоции, как печаль, тоска, отчаяние, сожаление, тревога [9, с. 131]. Анализ вербальных средств репрезентации громкости, манифестирующих эмоции, в целом, подтверждает данные результаты. Например:

«... *Barban cried in a voice that shook everybody, a voice for cavalry: 'Do you want to step out here – we're only a mile from the hotel and you can walk it or I'll drag you there. You've got to shut up and shut your wife up!'*» [19, p. 117]. В данной ситуации персонаж испытывает гнев, на что непосредственно указывает его грубая реплика «*You've got to shut up...*», которая у автора выделена курсивом, что позволяет точнее определить ЭС персонажа, и указывает на тот момент речи, на который приходится наиболее повышенная громкость произнесения. В свою очередь, повышенная громкость произнесения, выраженная ФГ *to cry*, подчёркивается автором с помощью определений *shook everybody, voice for cavalry*. Второе определение призвано вызвать в сознании читателя ассоциации со звуковым стереотипом голосов военных, отдающих команды, в частности, с голосом кавалериста. Следует отметить, что ФГ *to cry* нередко употребляется с экспликаторами ЭС гнева, ярости: *cried really angry / angrily, furiously* etc.

Интересно отметить, что для ФГ *to exclaim* типична манифестация эмоции удивления как с отрицательным, так и с положительным зарядом, при этом его также отличает большая вариативность сопровождающих его экспликаторов данного ЭС: *in amazement, in (mock, sharp, feigning) surprise, in (hurt) astonishment* etc. Это свидетельствует о том, что в английской художественной речи чаще других на первый план выдвигается семантический компонент значения ФГ «*in surprise*». Например: «*I'm a little tired, I think. Probably because I missed my dinner' – 'What?' she exclaimed aghast. 'I was certain you'd had it at Bellevue...'*» [17, p. 404]. В данной ситуации героиня неприятно удивлена тем, что её муж не ужинал, хотя до этого она была уверена в обратном. Природу эмоции помогает понять элемент контекста *aghast*.

Вербализаторы пониженной громкости также могут выражать гнев, страх, что отличает полученные нами данные от имеющихся результатов аудиторского анализа. Например: «*There was a silence. Then Cindy asserted, low-voiced and savagely, 'Listen to me! You'd better get here tonight, and soon. If you don't come, or if you do come and embarrass me by saying anything of what you did just now, it'll be the end. Do you understand?'*» [20, p. 71]. Прилагательное *low-voiced*, вербализующее пониженную громкость, манифестирует гнев. Природа эмоции эксплицируется в контексте эпитетом *savagely*.

Номинаторы громкости также могут выражать положительные эмоции. Для ЛЕ, вербализующих повышенную громкость, в большей степени характерна манифестация радости, восхищения. Для ЛЕ, вербализующих пониженную громкость, – нежности.

ФГ *to whoop*, в семантику которого заложена положительная оценка, передаёт всегда позитивные эмоции, а именно – радость, восторг. Другие ЛЕ могут сочетаться с экспликаторами положительных ЭС: *cheerfully, joyfully, jovially, in delight* etc.

В общем, вербальные средства репрезентации повышенной громкости способны передавать практически любые отрицательные и положительные эмоции.

Что касается средств номинации пониженной громкости, то здесь, помимо печали, тоски, отчаяния, сожаления, тревоги, выявилась тенденция к манифестации гнева, а также нежности.

От других ПХ темп отличается наибольшей вариативностью. Результаты проведенного нами исследования практически совпадают с результатами экспериментально-фонетических исследований, свидетельствующих о том, что отклонение темпа от нормы, причём как в сторону убыстрения, так и в сторону замедления, выражает такие эмоции, как печаль, страх, смущение, неловкость, растерянность [3; 8]. Однако вербализаторы темпа способны также нередко манифестировать раздражение, гнев. В особенности это касается ФГ *to sputter* и *to spit*, в значения которых входит семантический компонент «angry». Например:

«*Adrian Nesbitson was struggling to his feet. 'Never! Never! Never!' His face brick-red, the old man sputtered angrily*» [21, p. 73]. В приведённом примере вербализатор убыстренного темпа ФГ *to sputter* также выражает гнев. Природа ЭС непосредственно номинирована – *angrily*. Кроме того, маркерами, указывающими на состояние персонажа, также служат эпитет *brick-red*, свидетельствующий о крайнем возбуждении, и восклицания, содержащиеся в персонажной речи.

Наряду с вербализаторами замедленного темпа, ЛЕ, вербализующие ускоренный темп, также могут сигнализировать о таких эмоциях, как смущение, неловкость, растерянность: «*'But I want to tell you.' She was speaking more hurriedly now, a shade less confidently. 'You see... I happen to love you.' For the first time her eyes were lowered. She went on, 'I think I did... I know I did... love you, I mean – even before that time in San Francisco'*» [20, p. 115]. В данном случае на смущённое состояние героини в авторском повествовании указывает фраза *a shade less confidently*, а в персонажной речи – графически маркированные паузы хезитации.

Для вербализаторов темпа манифестация положительных ЭС выявилась нетипичной. Исключение составляет ФГ *to gush*, который обладает положительным оценочным зарядом и, соответственно, изначально обладает потенциалом выражать позитивные эмоции [LDCE].

Таким образом, средства вербализации темпа тяготеют к выражению негативных ЭС (за исключением возмущения, отчаяния, угрозы, подозрения) и выявились нетипичными средствами для манифестации положительных эмоций.

ЛЕ, номинирующие качества голоса, также как и вербализаторы громкости, характеризуются большим потенциалом передавать широкий спектр ЭС [1; 7; 10; 11; 13 etc.], что получает соответствующее отражение в языке и речи. Отметим, что имеющиеся на сегодняшний день результаты исследований звучащей речи не дают чёткого представления о конкретном наборе эмоций, выражаемом определённым качеством голоса. Однако некоторые качества голоса всё же ассоциируются с конкретными ЭС. Так, напряжённое качество голоса типично для ЭС гнева, возмущения и отвращения, приглушённое и хриплое качества ассоциируются с эмоционально напряжёнными ситуациями, что фактически означает их способность манифестировать любую отрицательную эмоцию. Мрачное, тёмное качество ассоциируется с состоянием грусти, печали. Подваленное, угнетённое состояние часто передаётся грудным качеством голоса. Радость, удивление с положительным зарядом могут манифестироваться голосом «с придыханием». В целом, высокая степень положительной оценки, а, следовательно, положительные ЭС, связаны с такими качествами, как мягкий, бархатный, звонкий; высокая степень отрицательной оценки выражается при помощи жёсткого, твёрдого, отрывистого, напряжённого, скрипучего, дрожащего, гортанного голоса [4; 7; 10; 12].

Согласно полученным данным вербализаторы качества голоса могут манифестировать любые отрицательные и положительные эмоции, кроме удивления с

отрицательным зарядом и иронии с положительным зарядом, что, в целом, не противоречит вышеупомянутым результатам исследований. Однако для каждой эмоции удалось выделить вполне конкретный набор номинаторов определённых качеств голоса, при этом в отдельных случаях результаты нашего исследования несколько отличаются от полученных ранее результатов исследований английской эмоциональной речи. Например, вербализаторы напряжённого качества голоса не выявились типичными для манифестации отвращения, вербализаторы грудного качества голоса вообще не были зафиксированы в эмоциогенных ситуациях. В то же время вербализованное напряжённое качество голоса выявилось типичным для выражения гнева, а качество «с придыханием» – для манифестации радости.

Что касается конкретного набора вербальных средств репрезентации качеств голоса для конкретных эмоций, то, например, для презрения типичными средствами манифестации выявились вербализаторы хриплого, небрежного и холодного качеств голоса; для упрёка – вербализаторы напряжённого, кислого / горького качеств; и т. д. Гнев и страх отличаются наиболее вариативным набором средств: гнев манифестируется посредством ЛЕ, вербализующих хриплое, напряжённое, дрожащее, холодное, мрачное, тяжёлое, сухое, кислое, горькое качества; страх – посредством ЛЕ, номинирующих те же качества, за исключением последних трёх, плюс глухое качество голоса. Например:

«*Hating the other man, his own voice tight with anger, James Howden exclaimed, 'It hasn't all been softness. There's a list from two world wars you may have heard of: St. Eloi, Vimy, Dieppe, Sicily, Ortona, Normandy...'*» [21, p. 222]. В данной речевой ситуации природа эмоции гнева эксплицирована при помощи прямой номинации *with anger*. В речевом голосе говорящего гнев выражается посредством сочетания напряжённого качества голоса, вербализованного прилагательным *tight* и повышенной громкости, вербализованной ФГ *to exclaim*.

Что касается положительных эмоций, то здесь потенциалом выражать радость и нежность обладают все ЛЕ, имеющие положительный оценочный заряд, а именно, ЛЕ, вербализующие «тёплое», «светлое», «лёгкое», «сладкое» качества голоса, а также качество «с придыханием». Нежность, как правило, манифестируется вербализаторами хриплого качества голоса. В основном это касается ситуаций, описывающих любовные отношения героев.

Набор ЛЕ, способных манифестировать одобрение и удивление, довольно ограничен. Так, потенциал выражать удивление выявился только у ЛЕ, вербализующих тёплое качество голоса, а одобрение – у ЛЕ, номинирующих светлое, лёгкое качества, а также у двух ФГ *to quaver, to quiver*, вербализующих дрожащий голос.

Итак, средства вербализации качества голоса способны манифестировать практически любые ЭС, что, в целом, совпадает с ранее полученными результатами исследований звучащего голоса. При этом в некоторых случаях всё-таки наблюдаются некоторые расхождения. В отличие от исследований звучащей эмоциональной речи, нам удалось выделить определённый набор вербальных средств репрезентации качеств голоса, типичных для выражения конкретных ЭС, что отражает существующие ассоциативные связи качеств голоса с ЭС в сознании носителей английского языка.

Спектр выражаемых эмоций вербализаторами комбинаций ПХ сужается по мере увеличения количества вербализуемых параметров. Например, вербальные средства репрезентации мелодики и темпа, мелодики и громкости, мелодики и качества голоса, громкости и качества голоса обладают потенциалом выражать практически все отрицательные эмоции, в то время как вербализаторы трёх и че-

тырёх ПХ манифестируют ограниченный набор эмоций, обязательным элементом которого является ЭС гнева. Так, вербализаторы мелодики + громкости + качества голоса выражают гнев, отчаяние, удивление и иронию; вербализаторы мелодики + громкости + темпа – гнев, страх, отчаяние; вербализаторы мелодики + качества голоса + темпа – гнев, страх, возмущение, презрение; вербализаторы четырёх ПХ – только гнев и презрение.

Потенциал вербализаторов комбинаций просодических параметров выражать те или иные эмоции в определённой степени обусловлен семным составом соответствующих ЛЕ. Это объясняется тем, что определенные модуляции просодических параметров ассоциируются с конкретными ЭС, что находит своё отражение в речи. Так, ЛЕ, в семный состав которых входит компонент «повышенная громкость» в комбинации с компонентом «высокого тона» (*to scream, to yell* etc.), «дрожащий» (*to bluster*), «грудной» (*to boom, to roar* etc.), «звонкий» (*to ring, ring*), «низкого тона» + «грудной» + «глухой» (*to bellow, below*), «высокого тона» + «убыстренный темп» (*to bark, bark*), «высокого тона» + «длительный» (*to wail*), демонстрируют устойчивую тенденцию к выражению гнева, возмущения.

Комбинации длительности и низкого либо высокого уровня голосового тона, вербализуемые *to moan, to whine, whining, whiney, moaning, whine*, ассоциируются с обидой, отчаянием, печалью (грустью, тоской). Типичным для речеголосового выражения печали также является ФГ *to drone*, вербализующий низкий уровень голосового тона, монотонность и тусклое качество голоса. Подобные эмоции часто манифестируются вербализаторами, в семный состав которых входит компонент, номинирующий пониженную громкость, в комбинации с другими компонентами. Это ФГ *to mumble*, номинирующий пониженную громкость и небрежное качество голоса, *to choke*, вербализующий пониженную громкость и напряжённое качество голоса, *to bleat, to sheep-voice*, включающие в свой семный состав компоненты, номинирующие, помимо пониженной громкости, высокий уровень голосового тона и дрожащее качество голоса.

ФГ, вербализующие пониженную громкость в комбинации с дрожащим качеством голоса (*to falter*) либо с небрежным качеством (*to mutter, to mumble, etc.*), типичны для манифестации эмоции стыда, смущения.

Остальные отрицательные ЭС потенциально могут выражаться ЛЕ, вербализующими различные комбинации ПХ. К примеру, упрёк манифестируется как ФГ, вербализующим низкий тон в комбинации с грудным качеством голоса (*to grunt*), так и ФГ, номинирующим высокий тон в комбинации со скрипучим качеством голоса (*to grate*); как ФГ, вербализующим повышенную громкость в комбинации с длительным звучанием (*to howl*), так и ФГ, передающим меняющийся уровень громкости от пониженного до повышенного в комбинации с низким тоном (*to grumble*). Отсюда следует, что не все вербализаторы комбинаций ПХ имеют чёткую связь с конкретными эмоциями.

На первый взгляд, очевидным кажется тот факт, что оценочные компоненты значения обуславливают то, какие эмоции – отрицательные или положительные – будут выражаться той или иной ЛЕ. Однако в ходе исследования были выделены случаи, когда ЛЕ с положительным оценочным зарядом манифестировали отрицательные эмоции. Например, ФГ *to twitter*, традиционно ассоциирующийся со «щебечущим женским голосом», используется для выражения отрицательного эмоционального состояния в речевом голосе персонажа-мужчины:

«John felt sure the phrase 'I really couldn't say' had been the vicar's way of avoiding a direct lie [...] 'It's no good, Mr. Bryan,' twittered the vicar, 'it's no good whatever my trying to keep back the facts, which of course anyone in the village would be only too willing to supply. Since you ask I must confess that, though of course the

matter is one of mere – the merest – coincidence, I do admit that under the present – er – happy circumstances – I did prefer not to tell your charming lady that the second unfortunate young woman who was – er – taken so young – the one whom she inquired about – had also – er – died in this house’» [22, p. 211–212]. В данном примере персонаж рассказа, викарий, испытывает эмоциональное напряжение, тревогу, так как, с одной стороны, понимает, что не имеет права лгать, с другой стороны, ему не хочется открывать страшную правду вновь прибывшим хозяевам ранее заброшенного особняка, обладающего нехорошей репутацией. В конце концов, молодой хозяин заставляет викария рассказать, что предшественница молодой хозяйки умерла, так же будучи молодой. Однако викарий делает это крайне неохотно, с трудом подбирая слова, на что указывают восемь графически обозначенных пауз хезитации, повторы как на морфемном, так и на лексическом уровнях.

В целом, сопоставив оценочные компоненты в значениях вербализаторов ПХ и оценочные знаки ЭС, которые они манифестируют, мы можем утверждать, что в 99,5 % случаев оценки совпадают. Случаи несовпадения оценочных знаков составили всего лишь 0,5 %.

Что касается манифестации положительных эмоций, то тут можно проследить чёткие ассоциативные связи, получившие языковое отражение только с ЭС нежности, типичными средствами речеголосового выражения которой являются ФГ *to coo, to croon, to murmur*, вербализующие низкий уровень голосового тона и пониженную громкость, и *to mumble*, номинирующий пониженную громкость и небрежное качество голоса. Например: «*Tea party was nightmare scenario: me plus roomful of power mothers one of whom had a four-week-old baby. ‘Isn’t he sweet?’ cooed Sarah de Lisle...*» [18, p. 70]. Данный пример иллюстрирует типичное речеголосовое выражение эмоции нежности по отношению к младенцу – обычно женщины обращаются к грудным детям «воркующим» голосом.

Очевидно, комбинация таких ПХ как пониженная громкость + небрежное качество голоса и низкий уровень голосового тона + пониженная громкость ассоциируются именно с ЭС нежности, что вербально выражается с помощью конкретных ЛЕ.

Остальные положительные эмоции (радость, одобрение, удивление, ирония) в речевом голосе могут манифестироваться разными по своему семному составу ЛЕ. По всей видимости, различные, иногда оппозитивные по своей природе, модуляции ПХ могут вызывать ассоциации с данными ЭС. Исключение составляют ФГ *to burst, to bark*, типичные для выражения удивления, объединённые семой «повышенная громкость» (параметр повышенной громкости выявился типичным для эмоции удивления как с отрицательным, так и с положительным зарядом), которая в первом случае комбинируется с семой «резко», а во втором – с семами «высокий тон», «убыстренный темп».

Общих тенденций в вербальном речеголосовом выражении радости, одобрения, иронии выявить не удалось. Так, радость может выражаться как ЛЕ, номинирующими низкий голосовой тон в комбинации с длительностью (*to moan*), либо с повышенной громкостью, грудным глухим качествами голоса (*to bellow*), так и высокий голосовой тон в комбинации с повышенной громкостью (*to shriek, to trill*); ЛЕ, вербализующими повышенную громкость + звонкое качество голоса (*to sing*), наряду с ЛЕ, номинирующими небрежное качество голоса + убыстренный темп – (*to babble, to gabble*).

Итак, из всего вышеизложенного следует, что большинство вербализаторов ПХ обладают потенциалом передавать различные отрицательные и положительные эмоции, при этом их конкретная спецификация по ЭС зачастую контекстуально обусловлена. Однако в отдельных случаях удалось установить более или

менее устойчивую корреляцию вербализаторов как одного, так и комбинаций параметров с конкретными ЭС. Связь средств вербализации ПХ с эмоциями, включающими отрицательный либо положительный оценочный элемент, в большинстве случаев (99,5 %) зависит от знака оценочного компонента их значения. Случаи несовпадения оценочных знаков компонентов значения ЛЕ и выражаемой эмоции составили всего 0,5 %.

В целом, полученные нами данные подтверждают существующие результаты экспериментально-фонетических исследований эмоциональной речи, за некоторыми исключениями. Так, спектр выражаемых эмоций ЛЕ, номинирующими темп, оказался шире по сравнению со спектром эмоций, манифестируемых теми же ПХ звучащего эмоционального речевого голоса. Вербализаторы отдельных ПХ, в частности грудного качества голоса, выявились нетипичными средствами выражения эмоций, однако проявили функциональную способность к манифестации ЭС на семном уровне в комбинациях с семами, номинирующими другие ПХ речевого голоса.

Потенциал ЛЕ, вербализующих комбинации ПХ, выражать те или иные эмоции в определённой степени обусловлен их семным составом. Это объясняется тем, что определенные модуляции ПХ ассоциируются с конкретными ЭС, что находит своё отражение в языке. При этом наблюдается устойчивая тенденция к сужению спектра выражаемых эмоций вербализаторами комбинаций просодических параметров по мере увеличения количества номинируемых ПХ. Если вновь обратиться к экспериментально-фонетическим исследованиям просодических характеристик эмоциональной речи, то становится очевидным, что их результаты в большей степени содержат выводы о корреляции отдельных просодических параметров с конкретными ЭС, реже речь идёт о «просодических контурах» базовых эмоций, другими словами, об определённых комбинациях ПХ, типичных для выражения той или иной базовой эмоции. Таким образом, результаты исследований звучащего эмоционального речевого голоса проецируются на вербализованный эмоциональный речевой голос.

В заключение отметим, что предложенный в работе подход к изучению вербализации просодических характеристик может быть экстраполирован на изучение восприятия звучания как явления окружающей действительности, что впоследствии поможет сконструировать когнитивную модель представления об этом феномене в сознании носителей английского языка.

Библиографические ссылки

1. Антипова А. М. Тембр (качество голоса) как лингвистическая категория / А. М. Антипова. // Ритмическая и интонационная организация текста : сб. науч. трудов МГПИИЯ. – Вып. 200. – М., 1982. – С. 79–91.
2. Вольф Е. М. Эмоциональные состояния и их представления в языке / Е. М. Вольф // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. – М. : Наука, 1989. – С. 55–75.
3. Галунов В. И. Акустические корреляты эмоциональной речи / В. И. Галунов, В. В. Пиктурна, В. Й. Янушавичюс // Акустика речи и слуха : матер. докладов и сообщений 5-го Всесоюз. совещания-симпозиума цикла. – Одесса, 1989. – С. 16–25.
4. Давыдов М. В. Звуковые парадоксы английского языка и их функциональная специфика / М. В. Давыдов. – М. : МГУ, 1984. – 204 с.
5. Демчук А. И. К обоснованию понятия «речевой голос» / А. И. Демчук // Записки з романо-германської філології : зб. наук. статей ОНУ ім. І. І. Мечникова. – Вип. 25. – Одеса : Фенікс, 2010. – С. 91–98.
6. Калита А. А. Система фонетичних засобів актуалізації смислу висловлювання (експериментально-фонетичне дослідження англійського емоційного мовлення) : автореф.

- дис. ... д-ра філол. наук: спец. 10.02.04 «Германські мови» / А. А. Калита; КНЛУ. – К., 2003. – 32 с.
7. **Медведева Т. Г.** Корреляты тембра в эмоционально окрашенной речи / Т. Г. Медведева // Проблемы супrasegmentной фонетики : сб. науч. трудов. МГПИИЯ. – Вып. 248. – М., 1985. – С. 51–58.
 8. **Носенко Э. Л.** Эмоциональное состояние и речь / Носенко Э. Л. – К. : Высш. шк., 1981. – 195 с.
 9. **Нушикян Э. А.** Типология интонации эмоциональной речи / Э. А. Нушикян. – Киев-Одесса : Вища шк., 1986. – 157 с.
 10. **Drioli C.** Emotions and voice quality: experiments with sinusoidal modeling / C. Drioli, G. Tisato, P. Cosi, F. Tesser. – Mode of access : <http://pfstar.itc.it/publications/CD-VQAL2003.pdf>.
 11. **Johnstone T.** The effects of emotions on voice quality / T. Johnstone, K. R. Scherer. – Mode of access : <http://www.unige.ch/fapse/emotion/publications/geneva-studies.html/> 1999.
 12. **Keller E.** The analysis of voice quality in speech processing / E. Keller. – Mode of access : <http://www.springer.de/comp/index.html/2004>.
 13. **Scherer K. R.** Emotion inferences from vocal expression correlate across language and culture / K. R. Scherer, R. Banse, H. G. Wallbott // Journal of cross-cultural psychology. – 2001. – Vol. 32. – № 1. – P. 76–92.
 14. **LDCE** : Longman Dictionary of Contemporary English. – Edinburgh : Pearson Education Ltd., 2000. – 1668 p.
 15. **OALDCE.** Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English: In 2 V. / A. S. Hornby. – Oxford : Oxford Univ. Press, 1982. – 1092 p.
 16. **Cooper J.** Polo: [novel] / Jilly Cooper. – London : Corgi Books, 1992. – 766 p.
 17. **Cronin A. J.** The Citadel: [novel] / Archibald Cronin. – M. : Foreign languages, 1963. – 475 p.
 18. **Fielding H.** Bridget Jones's Diary : [novel] / Helen Fielding. – London : Picador, 1996. – 310 p.
 19. **Fitzgerald F. S.** Tender Is The Night: [novel] / Francis Scott Fitzgerald. – London : Penguin Books, 1997. – 392 p.
 20. **Hailey A.** Airport : [novel] / Arthur Hailey. – N. Y. : Bantam Books, 1965. – 405 p.
 21. **Hailey A.** In High Places : [novel] / Arthur Hailey. – N. Y. : Bantam Books, 1979. – 376 p.
 22. **The Second Ghost Book** : [short stories]. – London : Pan Books, 1964. – 223 p.

Надійшла до редколегії 28.04.11

УДК 81'282.4

Ю. В. Дорофеев

Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского (г. Симферополь)

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ВАРИАТИВНОСТИ ЯЗЫКА

Розглянуто проблему мовного варіювання на матеріалі міжрегіональних лексичних тождеств. Запропоновано механізм аналізу та опису варіативності у лексичній системі на основі поняття семантики.

Ключові слова: варіант мови, зміни в мові, запозичення, семантика.

Рассмотрена проблема языкового варьирования на материале межрегиональных лексических соответствий. Предложен механизм анализа и описания вариативности в области лексики на основе понятия семантики.

Ключевые слова: вариант языка, изменения в языке, заимствования, семантика.